

Элем Климов снял всего несколько картин. Каждая из них — веха в истории советского кино. Каждая бескомпромиссна, как сам Климов. Оттого так доставалось его фильмам. Оттого их так мало. Система боролась с ними, запрещала, прятала на «тюремную» полку. А Климов шел на таран. Не уступал. И в конце концов Система обессилела и пала.

Но лишь он один знал, сколько сил, здоровья потребовалось, чтобы пережить бесконечные мытарства с «Агонией» (более 10 лет на полке), «Похождениями зубного врача», «Прощанием» (фильм, начатый режиссером Ларисой Шепитько) и конечно же знаменитой «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Стойкий борец за демократию, председатель Союза кинематографистов СССР горячих перестроечных лет умел сохранить в себе не только мужество и порядочность, но и детскую непосредственность, позволяющую ему всегда называть вещи своими именами. И нежность... Может быть, поэтому Климов так здорово умел работать с детьми. Они ему верили...

Этот монолог — рассказ Элема Климова о его дебютном (и дипломном!) фильме — публикуется впервые

«Конечно, «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» я снимал как инскапозительную историю. Образ пионерлагеря разрастался в образ нашей юной прекрасной страны. Но, несмотря ни на что, дети в фильме победили. Победили и полетели, как и мечтали. Детские мечты обязательно должны осуществляться. Помните, даже самый смешной мальчишка в бочке улетел. Если честно, я сам до последнего времени летал... во сне — со всеми трудностями, преодолением притяжения, переживаниями. Просыпался в поту. Правда, с годами «полеты» случались все реже.

Против чего была картина? Против системного идиотизма, перечеркивающего индивидуальность. Демагогической ахинеи, впитавшейся во все поры общества. Ведь всю страну выуждали целыми заводами, институтами салютовать: «Будь готов! — Всегда готов!».

Сам я никогда в жизни не был в пионерлагере. Так что фильм — моя фантазия. Но в пионерах был, и галстук со специальной закрежкой носил. И когда меня в 14 лет приняли в комсомол (было это в послевоенном Сталинграде), не мог идти домой, меня колотило от волнения. Тогда тоже думал — взлечу. Вот какими мы были...

С детьми сама судьба меня свела. В конце второго курса во ВГИКе надо было сделать короткометражку: немой этюд — сочинить органичную ситуацию без слов. Так и возник восьмиминутный «Жиних». Идет контрольная по арифметике в четвертом классе. Учительница читает «Ромео и Джульетту». А мальчик и девочка за партой переживают свою историю любви. Музыку нам преподавал Микаэл Таривердиев. Увидев готовый материал, он сразу предложил озвучить сюжет темой из прокофьевского балета «Ромео и Джульетта». Всем было ясно: не пропустят. Но Таривердиев обещал пробить. И пробил...

Потом была преддипломная работа о ребятах, решивших в московском дворике в сарайчике для мотоцикла построить ракету. Все мы тогда переживали время истерического поклонения космосу. Так вот, рядом с мальчишками крутится четырехлетний малыш Коля. И когда большим конструкторам строительство космонавтики осточертело, он их держит. Он-то всерьез собирается лететь. И так истово в это верит, что садится в нагромождение из бочек и... взлетает.

Тогда я понял: в работе с детьми нельзя сюсюкать. Взрослые всегда ощущают себя педагогами, а детей видят недоумками. Но ребята, как и взрослые, бывают талантливые и не... Главное для режиссера — распознать, учуять органику. И вот так я напрактиковался, что уже через улицу видел: талантлив ребенок или нет. А на экране фальшь особенно паразит.

Потом случился полнометражный фильм «Добро пожаловать...», между прочим, моя дипломная работа. Меня,

Элем КЛИМОВ:

ИДИ И СМОТРИ

студента, пригласили на «Мосфильм», два объединения готовы были заниматься картиной. Первый конфликт возник из-за ректора ВГИКа Грошева. Он вцепился мертвой хваткой в сценарий Лунгина и Нусинова: «Не будет такую вредную картину снимать наш студент!». Без устали ходил, писал, звонил: в ЦК, Госкино и еще куда надо. Столько энергии, сил потратил... Но дело все же

двигалось к съемкам. Кому играть главного героя? Тут возникла вторая проблема. В роли директора лагеря Дынина я видел только Евгения Евстигнеева. В те годы я дневал и ночевал в «Современнике», смотрел не только все спектакли — все репетиции. А в датирование Евстигнеева просто был влюблен. Тогда в кино он еще почти не снимался. Мне говорят: «Евстигнеева — ни в коем случае». Начали предла-

гать характерных актеров с глупыми рожами — ясно, так можно характер Дынина укоротить до размеров дурака. Что с дурака взять? Ведь не я один ходил в «Современник». Всем было очевидно: Евстигнеев принесет в фильм социальную тему. В общем, прикалывают: «Кто угодно, только не он». «Ну тогда кто угодно, только не я», — отвечаю. И ухожу. Похоже, моя наглость обескуражила... Согласились.

А мне хотелось не столько обвинять, сколько защитить детей, которых так нелепо оболванивали. Помните транспарант, мелькающий на протяжении всей картины — «Дети — хозяева лагеря!». Мы все жили под транспарантами «Мы — хозяева своей страны!» Но как не были ими, так и не стали...

Фильм все время висел под угрозой закрытия, поэтому снимали его в бешеном темпе. Сдавать картину я должен был 15 мая 64-го года. А мы завершили работу в предновогодние дни... на полгода раньше.

Когда вспоминаю о работе над картиной, перед глазами сразу встает лицо... Сейчас вы тоже его вспомните.

А дело было так. Я искал ребят для съемок. И как-то мы с Ларисой (Лариса Шепитько — кинорежиссер, жена Элема Климова. — Л.М.) побывали

на очередном детском празднике во Дворце пионеров на Ленинских горах. Возвращались домой в полупустом троллейбусе. Вот сижу я на заднем сиденье, а передо мной едут... два уха. Буквально. Больше ничто не бросается в глаза. Начинаю всматриваться: а уши-то заподлицо забиты песком. На «Мосфильмовской» уши выходят. Я — за ними, кричу вдогонку: «Мальчик, мальчик!». А он не слышит. Уши-то забиты. Видать, только что с купанья. Стучу по плечу. Оборачивается. Черная майка растянута до пупа, лицо... Такого лица я не видел. От улыбки удержаться невозможно. Как так кого упустить. Думаю: ну раз нет такого персонажа в фильме — надо его придумать. Вот в сценарии и возник сквозной герой, постоянно ко всем пристающий: «А чего это вы тут делаете?». В сценарии мы его назвали «Мальчик с профилем Гоголя». А сыграл его Слава Царев.

рядом со мной — Ютевич. На коленях просим: приезжайте сейчас же в Болшево». Оказывается, у них только что закончился просмотр фильма. С Пырьевым случилась форменная истерика, он сполз на пол с хохотом и слезами. И мастера решили для нас с Ларисой устроить настоящий праздник. Но Грошев по-прежнему — ни в какую. Не дает мне защищать диплом такой похабной антисоветской картиной. До сих пор удивляюсь, сколько сил, времени он потратил на эту борьбу. И если бы не помощь и защита Сергея Герасимова, он бы меня выгнал. Между ними произошел разговор на самых высоких тонах.

Впрочем, несмотря на разрешительное удостоверение, фильм практически на экраны не вышел. Его показали в паре кинотеатров на первом сеансе в 8 утра и скоренько сняли...

● Лариса МАЛЮКОВА

Р. С. Последний фильм Климова «Иди и смотри» вышел немногим менее 20 лет назад. Затем им была задумана масштабная киноверсия «Бесов», но резко воспрепятствовал глава Госкино Ермаш. Потом были скрупулезно продуманные и выношенные идеи фильмов «Преображение», «Про Ивана-дурака», картина о сталинском времени и, наконец, многострадальный проект по мотивам «Мастера и Маргариты», на который были потрачены годы... Нет, все-таки Система оказалась удивительно живучей!

PhotoXPress

Костя Иночкин — один против истинных хозяев лагеря (кадр из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»)

2.11.03

Климов Элем

122